

КРЕАТИВНОСТЬ ПРИНЦИПА СУБЪЕКТНОСТИ В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ВЫСШЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

С.З. Гончаров

О двух принципах философствования. В истории философии представлены *объектный* и *субъектный* принципы философствования. В первом случае философы исходят из *внешнего* первоначала, с которым они согласовывают субъектность человека, его научное, ценностное и практическое освоение действительности. Человек при этом вращается вокруг той или иной внешней Инстанции, будь то Космос, Природа, Общество и др. Во втором случае исходным является человеческая субъектность как *основание* для истолкования внешней реальности. Например, до Сократа древние греки, образно выражаясь, молились на звезды (космоцентризм «физиков»). Сократ предложил исходить из достоверности человеческого разума. Начался период *классической античной философии*, ее расцвет. М. Лютер утвердил принцип Сократа в католицизме и породил целое направление в христианстве (протестантизм). От церковного внешнего авторитета он решительно перешел к авторитету личной веры и так вознес субъектность человека, что она стала в центре последующей философии. А. Смит в отличие от физиократов источник стоимости товаров видит уже не в земле, а в труде. Начинается период *классической политической экономики*. Ф. Энгельс с полным основанием назвал Смита «Лютером» политэкономии¹. Кант с присущей ему теоретической основательностью последовательно развивает субъектный принцип (трансцендентальный метод) в своих знаменитых «Критиках», сознательно исходя из свободной самодеятельности субъекта. Трансцендентальный метод он сам оценивал как «коперниканский переворот». Начинается период *классической немецкой философии*. Трансцендентальный метод Канта героически развивает И.Г. Фихте в своем «Наукоучении». Гегель универсализирует субъектный принцип как методологический: «Все дело в том, чтобы понять и выразить

¹ Энгельс Ф. Наброски к критике политической экономики // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. I. С. 549.

истинное, не как *субстанцию* только, – подчеркивает он, – но равным образом и как *субъект*»¹. Л. Фейербах этот решающий принцип новой философии обосновывает, скорее, эмпирически и называет его антропологическим. Переход Фейербаха к анализу действительности как *человеческой* действительности или к *действительному человеку*, был закономерен. Ибо новый эвристический принцип нельзя уже было плодотворно развивать, оставаясь в рамках только методологии, не выходя к практике.

К. Маркс *субъектный принцип* проводит последовательно в философии, политэкономии и политологии. Главный недостаток предшествующего материализма он видит в том, что «предмет, действительность чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*», не «субъектно»². «Единственно интересными» в гегелевской диалектике он считал противоположность между «*в-себе и для-себя*, между *сознанием и самосознанием*, между *объектом и субъектом*». Эта противоположность составляет «смысл» всех других противоположностей¹. Эвристическую мощь этой противоположности Маркс раскрывает уже в своей диссертации, излагая принципиальное различие между *объектной философией* Демокрита и *субъектной философией* Эпикура. В одном из писем он отмечал, что «реконструкцию античного самосознания» он дал тридцать лет назад, т.е. Маркс метод реконструкции античного самосознания, изложенный в диссертации, не считал чем-то противоречащим своей последующей методологии. Категория «*бытие-для-себя*» выступает у Маркса *логическим фундаментом* в понимании субъектности, под которой он понимал рефлектированную социальность, устремленную на саму себя, *высший уровень человеческой субъективности*. Субъектность, в понимании Маркса есть такая форма социальной активности людей и социальных институтов, которая характеризует их со стороны таких

¹ Гегель. Феноменология духа // Соч.: в 14 т. М., 1959. Т.4. С.1.

² Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.3. С.3.

существенных качеств, как способность к *самоопределению и самодеятельности, нормотворчеству и самоуправлению; со стороны реальных полномочий, прав и обязанностей в реализации социально важных интересов и целей; со стороны реальной власти над природными и социальными силами*. Показательны такие его выражения, как «самоустремленность», «самоизменение», «самостояновление», «самоосуществление» (и др. «само») человека. Утверждение об изменении людей внешними обстоятельствами Маркс преобразует в положение о «самоизменении» людей путем практического изменения обстоятельств, в котором человек выступает одновременно и субъектом, и объектом собственного действия; и воспитателем, и воспитуемым; и законодателем, и исполнителем собственных принципов. Неспособность к духовному самоопределению и волевому самоуправлению Маркс считал крайней деградацией, поражающей человека в самой его «творческой основе». Отсюда проистекала вся сила его гнева против «самоутраты» людей в отчужденной от них экономике и политике. Поэтому Маркс настаивал на превращении класса «в себе» в класс «для себя». В философском плане суть отчуждения как раз состоит в том, что люди передают свои субъектные функции какой-либо внешней Инстанции, превращая ее в абсолютного субъекта, а себя – в исполнителей ее воли. Поскольку право на самоопределение и нормотворчество сосредоточивается в одной Инстанции, то возникает гипноз ее Авторитета, ее Культ: она наделяется сверхестественной способностью быть всегда мудрой и справедливой. И дело теперь представляется так, что Инстанция права не потому, что она решает истинно, а потому, что она – Инстанция, а значит и права. Диалектику Маркс считал «единственно правильным методом» теоретического мышления потому, что она логически выражает полноту исторического опыта в разрешении противоречий, предохраняет от односторонних крайностей и позволяет адекватно выразить самостояновение и саморазвитие людей в их истории. Диалектика

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.42. С.157.

Маркса, как его социология и политология, *производна от субъектного принципа его философии.*

Основой трансцендентального метода Канта является ясный для понимания фундаментальный, если так можно выразиться, факт. Люди искали вне себя абсолют, объявляя им то одно, то другое (онтология). Но всякий раз оказывалось, что найденный абсолют находится в их собственном мышлении, а то, что находится вне мышления, вовсе не оказывалось чем-то абсолютным. И вот Кант указал на такой факт, абсолютное значение которого вряд ли будет кто-либо отрицать. Такой абсолют оказывается абсолютом для людей при всех меняющихся обстоятельствах: что бы ни происходило в пространстве и во времени, как бы ни изменилось даже космическое обитание людей. Таким абсолютным обстоятельством для людей выступают сами люди. Они всегда будут воспринимать и мыслить события с позиций интересов и целей, более или менее частных, но именно человеческих. И никогда не выйдут за пределы человеческого миропонимания, поскольку остаются людьми. Например, Кант идею Бога выводит из нравственного требования иметь абсолютного Судью, который устанавливает соответствие между деянием и воздаянием. В трансцендентальном методе Кант выразил конструирующую сущность человеческой деятельности, организованной мышлением; первичность деятельности; тот основополагающий факт, что люди воспринимают мир в тех формах, в которых они сами преобразуют реальность; *абсолютную критериальную функцию опыта* («практики», уточнит Маркс), за пределами которого заканчивается компетенция науки, и знание уступает место вере. Маркс выводит этот метод на широкую дорогу истории людей, деятельно воспроизводящих свою социальность, все свои способности и отношения. «Марксова философия практически завершила коперниканский кантовский переворот»¹ и предстала «как философия человеческой практики»², но практики, взятой на высоте теоретических принципов.

¹ Любутин К.Н. Философия в современном мире // Двенадцать лекций по философии. Екатеринбург, 1996. С.9.

² Там же. С.7.

В русской классической философии субъектный принцип был развит не с позиций практического активизма, но в принципиально новом – *духовно-ценностном* аспекте, который был раскрыт без мистификации в трудах мыслителя И.А. Ильина. Ильин отлично усвоил достижения немецкой философской классики. Но он усвоил и трагический опыт XX века. В его работах субъектный принцип был развит с позиций *предметной и конкретной аксиологии*, вобравшей в себя ценностные основы православия, святоотечественного предания и классическую русскую культуру. Замечательно то, что именно субъектный принцип позволил И.А. Ильину избежать как растворения человека в божественном начале, так и утилитарной прагматичности протестантизма в раскрытии человеческого и божественного. Субъектный принцип И.А. Ильин вознес на ту достойную духовную высоту, с позиций которой можно и нужно успешно решать назревшие задачи российского общества.

Продуктивность субъектной философии была парализована именно объектным принципом философствования («безлюдной онтологией») советского периода, сразу исчезли интеллектуальная динамика, атакующий и наступательный стиль, духовное дерзновение и смелость, столь присущие этой философии.

Не следует смешивать объектную установку с *объективным* методом научного мышления. Данный метод есть великое завоевание разума. Объектная же установка сродни объективизму, тотальному, всеохватному детерминизму; она связана с переносом естественнонаучного метода в понимании природы на социальную реальность. В природе доминирует «бытие-в-себе» и «бытие-для-другого», т.е. *детерминация извне*. Объектный язык естествознания сформировался на познании *вещей*, не обладающих *свободой воли*. Научное понимание человеческой реальности правомерно в той мере, в какой эта реальность выступает в своей *объективированной* форме. Переносить целиком объектный язык естествознания на *субъектные* процессы, значит, уподоблять субъекта со свободой воли *вещам* ценой огрубления и упрощения. Такой язык не адекватен в той мере, в какой наша активность *намеренная*, осознанная, и поэтому субъективно *удвоенная и усиленная* пониманием и знающим себя

переживанием. На этом уровне психики место причинности занимают *ценностно-смысловые* соотношения, самодетерминация, произвольная самодеятельность, целеполагание. Свобода – *атрибут* субъекта. Она есть результат переноса в психику индивида *законодательной функции* тех или иных социальных институтов. Где свобода, там и ответственность, вина, наказание. Суд прямо *вменяет* психически здоровому гражданину свободу и полагает: сам решил – сам неси бремя ответственности за содеянное. Ценностные формы освоения реальности (нравственность, искусство, религия), дополняют науку так же, как «сердце» дополняет разум.

Всякий раз, *когда философия развивалась на основе субъектного принципа, она цвела и наполнялась жизненно конкретным и глубоким содержанием.* Чем объясняется творческая продуктивность этого принципа? В первую очередь, более развитой логикой.

Логика объектная и логика диалектическая. Верному пониманию субъектности мешает механистическая логика *«определения извне»*: одно определяется другим, а другое – иным другим и так до бесконечности, которую Гегель справедливо назвал «дурной». Регресс в бесконечность возникает потому, что за *внешним* отношением к другому мысль упускает *внутреннее* отношение – *отношение целого к самому себе.* Такая логика не позволяет понять *саморазвитие целого на собственной основе,* когда целое само полагает ввне предпосылки своего сохранения и роста и поэтому является самообоснованным. Саморазвитие целого диктует такой логике невыполнимое для нее условие – *понять действие на другое как момент самодействия, определение извне – как момент самоопределения; словом, «за отношением к другому видеть скрытое за ним отношение к самому себе, внутреннее отношение вещи»¹.* Мышление, оснащенное только такой логикой, старательно избегает анализировать *самонаправленные* процессы – самоопределение, самодеятельность, самореализация и другие «само». Личность при этом мыслится как теннисный шарик, траекторию движения которого

¹ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1984. С.243.

определяют внешние обстоятельства – педагогическое начальство, методы воспитания, среда и т.д. Разумеется, принцип объяснения через «другое» необходим, но недостаточен, например, когда мысль наталкивается на совпадение противоположностей, на явное противоречие, в рамках которого объект действия и субъект действия совпадают. И такое совпадение встречается в практике человека на каждом шагу, оно зафиксировано уже на уровне языка в виде *возвратных* местоимений и глаголов («сам себя», «я радуюсь» и др.)! В таких языковых выражениях проявляется устойчивое логическая категория – отношение целого к самому себе. Это отношение является *диалектикообразующим* и самым главным.

Осознанию этого отношения препятствуют *гносеологические* и *социальные* причины. Гносеологической причиной является то, что мысль не выходит за рамки *наличного бытия* (где одно ограничено другим) в сферу сущности, в то *единое основание*, частями которого являются внешне различные стороны, действующие друг на друга. То, что в сфере сущности есть самоопределение, воздействие на себя, в мире явлений обнаруживается как действие на другое, как определение извне. Например, в процессе обращения капитала (мир явлений) *один* отдельный капитал действует на *другой*, и каждый из них воспринимает это внешнее действие (конкуренцию) как *определение извне*, как *внешнюю необходимость*, принудительно ограничивающую свободу их функционирования. Такова видимость с позиций отдельных различных капиталов. Однако отдельные капиталы есть органы совокупного капитала как *целого*. И за отношением одного капитала к другому скрывается отношение капитала как целого к *самому себе*. Через взаимное действие отдельных капиталов проявляется воздействие капитала на самого себя, его «самоопределение». В действительности, замечает К. Маркс, - «конкуренция представляет собой отношение капитала к самому себе как к другому капиталу», «самоопределение» капитала как целого. Конкуренция приводит в исполнение «внутренние законы капитала» в форме внешней необходимости для отдельных капиталов. Точно так же Петр, относясь к Павлу как к человеку, актуализирует свою собственную человеческую природу и отличает в себе

социальное от природного. Тем самым отношение Петра к Павлу есть, в сущности, отношение социальности к себе самой. И такое самоотношение социальности осязаемым образом проявляется в борьбе людей за общественное признание, в соревнованиях, например, в спорте. Во всех таких ситуациях отношение социальности к себе самой выступает как противоречие потому, что одна и та же социальность противопоставляет себя себе самой. *Отношение к самому себе есть сущность диалектического отношения*, которое Гегель зафиксировал в виде понятия «бытие-для-себя» в отличие от понятия «бытие-для-другого».

В социальном плане логика «определения извне» выражает те ситуации, в которых люди низведены до *частичек социальной машины, до объектов манипулирования, до исполнителей извне навязанных стандартов мышления, поведения, потребления, до «точки действия для другого»* (В.С. Библер) со стороны общественных сил. Такие ситуации и порождают выражения «рычаги управления», «хозяйственный механизм» и прочую механику. Подобная односторонняя социальная детерминация формирует привычку жить по извне полученным правилам и нормам, впечатывает в сознание логику «определения извне», и такая логика превращается в «достоверный» навык мышления, который возводится во всеобщую схему миропонимания. Эту схему, за которой скрываются антигуманные обстоятельства, позитивистский рассудок объявляет единственно научной, а логику самоопределения (диалектику) толкует как «темную гегельянщину». Именно отделение деятельности от самодеятельности, изменение объекта от «самоизменения» субъекта, функций исполнительских от нормотворческих порождает отчужденную практику, ту социальную ситуацию, в которой индивиды производят собственное бытие как чуждое себе «инобытие», как бытие иного против самих себя.

Против такой логики определения извне боролись классики философии. «Самопричинность» (*causa sui*) субстанции у Спинозы, «самодеятельность» монад у Лейбница, «самоопределение» и «самополагание» «Я» у Канта и Фихте, «для-себя-бытие» у Гегеля, «самоизменение» субъекта у Маркса – эти родственные идеи выражали

диалектическую логику, позволяющую верно понять *самонаправленную социальность*. Ограниченный потенциал логики «действия на другое» побуждает и теоретиков естествознания переосмысливать казавшуюся ранее очевидной саму логическую основу общего воззрения на предмет. В естествознании, математике, пишет В.С. Библер, поставлена под вопрос *«всеобщность классического предмета (и субъекта) – «точки действия на другое»*. В современном мышлении возникает идея радикально нового предмета и субъекта теоретического познания. Это – «идея предмета как *«causa sui»*, «идея движения как самодействия, самодеятельности». С возрастанием в обществе доли личных свобод и самодеятельности изменяется методология науки – предмет мыслится по подобию человеческой самодеятельности. Утверждение об изменении людей внешними обстоятельствами Маркс преобразует в положение об их «самоизменении» путем практического изменения обстоятельств, где человек одновременно выступает и субъектом и объектом действия, и воспитателем и воспитуемым, и законодателем и исполнителем собственных принципов. Неспособность к самоопределению и самоосуществлению Маркс считал крайней деградацией, поражающей человека в «самой его жизненной основе». Отсюда происходила вся сила его гнева против «самоутраты» людей в отчужденной от них экономике, политике и идеологии.

Отношение к самому себе исполняет в работах Маркса основополагающую теоретическую роль. И «без четкого понимания этого пункта, этого решающего ядра логики «Капитала», – писал Э.В. Ильенков, – невозможно ничего понять ни в «Капитале», ни в его логике»¹.

Категория «бытие-для-себя» выступает у Маркса логическим фундаментом в понимании субъектности, под которой он понимал рефлектированную социальность, устремленную на саму себя, *высший уровень человеческой субъективности*. Показательны такие его выражения, как «самоустремленность», «самоизменение», «самостояние», «самоосуществление» и др. «само». В обществе, отмечал Маркс, все, что имеет прочную форму – продукт, разделение труда, предметные воплощения процесса производства и т.д. –

является лишь мимолетным моментом общественного производства, «а в качестве его субъектов всегда выступают только индивиды», взятые в их взаимоотношениях. Здесь перед нами – их «собственный процесс движения, в котором они обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства»¹.

Таким образом, люди находятся в существенном субъект-субъектном отношении друг к другу и соотносятся сами с собой, *со своей родовой культурно-исторической сущностью*; поэтому они – «самоустремленные» существа: за предметно-чувственной оболочкой социальной действительности они схватывают выраженные в ней свои *социальные отпечатки, «отвердения», социальные свойства, значения*. В философском плане суть отчуждения как раз состоит в том, что люди передают свои субъектные функции какой-либо внешней Инстанции, превращая ее в абсолютного субъекта, а себя – в исполнителей ее воли. Поэтому они не видят в сотворенных людьми же произведениях (будь то государство, иные социальные институты и т.п.) свое собственное авторство и воспринимают сеть общественных отношений как нечто совершенно внешнее, чужое, от чего надо спрятаться или отстраниться.

В конечном счете, логика определения извне – продукт взаимного отчуждения людей друг от друга по разным причинам (экономическим, социально-статусным, политическим, мировоззренческим). Рассмотрим этапы осознания отношения целого к самому себе в немецкой философии.

Формирование отношения целого к самому себе: Кант, Фихте, Гегель. Выразим обобщенно саму «парадигму» осознания отношения целого к самому себе. Такая парадигма зародилась в философии Канта и Фихте, они первопроходцы в осознании данного отношения. У Гегеля это отношение логически оформлено как «для-себя-бытие», как сосредоточие всей его диалектики. К. Маркс раскрыл за этой гегелевской категорией социальную связь в ее человеческой форме.

¹ Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960. С.249.

У Канта трансцендентальное *Я* – это область однородной самосустремленной деятельности, возникающей в акте самовоздействия такой деятельности на саму себя. Фихте отлично понял саму суть философии Канта и не случайно сосредоточил усилие на раскрытие процессуальности *Я*. У него *Я* – процесс деятельного самопорождения: в акта самовоздействия «*Я*» различает себя на *Я* и на не-*Я*. Процесс противопоставления есть акт-продукт: *Я* «является в одно и то же время и тем, что совершает действие, и продуктом этого действия»². Самосознание есть выражение «дела-действия». В акте противопоставления отношение к другому (предмету как опредмеченному сознанию) есть необходимый момент в саморазличении *Я*, но он подчинен отношению *Я* к самому себе, без которого самосознание не возникает. Если субъект останавливается на отношении к другому, то он не выходит за рамки чувственного сознания, ибо он захвачен внешней предметностью и не возвращается в сознании к самому себе, к *Я*. Поэтому акт противопоставления дополняется актом сопоставления – возвращением *Я* из внешнего созерцания к самому себе, *самонаправленностью Я* в противопоставлении.

Движение сознания, по Фихте, предстает так: *самоположение (Я = Я)*, *противоположение (Я = не-Я)* и *сопоставление (Я = Я + не-Я)* Самонаправленность, отношение *Я* к самому себе, соединяет противоположные моменты (*Я* и не-*Я*) в единство. *Я* саморазличается в себе путем противопоставления, которое образует *противоположности*, соединяемые в единство. Их единство есть противоречие потому, что противоположности есть различия в пределах одной основы – *Я*.

Таким образом, *отношение к самому себе* логически выражает у Фихте *остов самосознания*. Так как категории Фихте развивает вслед за Кантом как схемы работы самосознания, то и категории представляются им согласно трем моментам основного отношения самосознания – отношения к самому себе. Категориальные «гнезда»

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.2. С.222.

² Фихте И.Г. Избр. соч.: В 2 т. М., 1971. Т.2. С.72

включают три формы по схеме: тезис – антитезис – синтезис, чему соответствует полагание – противоположание – единство противоположенностей.

Триадичность есть точка зрения самосознания. Синтез противоположных категорий в третьей есть понятийно-вербальное демонстрация работы самосознания, его единства. Парность же в трактовке категорий означает, по Фихте, или разорванность самосознания, или его редукцию к сознанию, которое не выходит за рамки отношения к другому, а поэтому не соединяет противоположности в единство в составе третьей категории. Достижением Фихте является понимание противоположностей как *существенных различий в составе одной основы*. С этого и начинается всякая диалектика с ее имманентной динамикой и пульсацией. Я продуцирует понятия, образы воображения и др., которые предстают для Я как его деятельные произведения. Поэтому Я не отчуждается от своих произведений и прибывает в самом себе и у себя.

Но *самополагание* ($Я = Я$), *противоположание* ($Я = не-Я$) и *сополагание* ($Я = Я + не-Я$) происходит в сфере сознания. Это следует отметить, так как именно в этом пункте своих рассуждений Фихте был не понят современниками. Сразу же поясним, что в «уравнениях» Фихте, например, $Я = не-Я$, имеется тот же смысл, что и в уравнениях Маркса (холст = сюртук): как сюртук представляет своей натуральной формой стоимость холста *вне холста*, точно так же *не-Я* представляет собой состав Я как его иное бытие, т.е. представляет субъекту содержание его же собственного сознания, но как нечто внешнее.

Далее, Фихте делает героическое усилие: он первый вынес логику самополагания, противоположания и сополагания во *внешний план* для субъекта, в его *внешний опыт*. Теперь уже совокупное Я (совокупный трансцендентальный субъект) противоположает себя самому себе: он деятельно оформляет природный материал в мир культуры (*не-Я*) и начинает осознавать себя в порожденном им же мире: ($Я -Я + не-Я$). Оказывается, *не-Я* есть объективированное Я во внешних предметных формах. Я возвращается к самому себе из предметно оформленного мира (сополагание). Оно теперь не теряет

себя в своих произведениях, узнает себя в них, властвует над ними, возвышается в равной мере и над своими *субъективными* состояниями психики, и над *объективированными* формами своей деятельности, поэтому предстает для себя как *абсолютное «Я»*, как субъект всех изменений.

Это было открытием! Каково было ликование Фихте, можно судить по тому высокому пафосу и энтузиазму, которые выражены в его произведениях. Рядоположенность субъекта и внешней реальности была преодолена. Все застывшее было понято как *процесс*, мир вне головы оказался миром, порожденным при посредстве головы. «Катаракта» чувственного сознания была снята. В пламени активности субъекта все окаменевшие рассудочные понятия метафизики возгорелись и преобразились в стройный процесс самопорождения «Я»: его противопоставления (объективирования) и возвращения к самому себе. Фихте зарядил философию активизмом, деятельным преобразованием всего.

Отмечая субъективизм диалектики Фихте, Гегель, тем не менее, заимствует его триаду и наполняет триадичный ритм развития сознания богатым историческим материалом. Он тоже отмечает три отношения сознания к предмету:

- *чувственное сознание* относится к предмету как к *истине*, как к высшему авторитету (язычество, античные досократики, католицизм, авторитарное государство и т.п.); до Сократа античные философы, образно выражаясь, молились на звезды, Космос;

- отношение *самосознания* (как инстанции *истины*) к предмету, *лишенному авторитета истины* (рассудок, Сократ, христианство, протестантизм, идеология французских просветителей); истина теперь пребывает в самосознании субъекта, а не в предмете;

- *истинное отношение самосознания к предмету как к истине* (диалектический понятийный разум, *отношение духа к самому себе, знающий себя дух*); при таком отношении субстанция вне духа есть на самом деле «окаменевший» дух, иное бытие духа, прикрытое предметной оболочкой.

Субъектом саморазличения у Гегеля выступает анонимный Божество, Идея, которая деятельно порождает сама из себя свои все

более конкретные формы и тоже возвращается к себе как знающий себя абсолютный дух. Дух выдержал на пути к самому себе острейшие противоречия, драмы и трагедии, претерпел муки отчуждения, выразил себя в своих объективациях в истории и пришел к самому себе из плена отчуждения – через образы искусства, символы религии – и, наконец, выразил себя адекватно в форме понятия.

Схемы Фихте (полагание, противоположение, соположение), приобрели у Гегеля всеобщую логическую форму: бытие-в-себе – бытие-для-другого – бытие-для-себя. Гегель интерпретировал отношение к самому себе как универсальную логическую категорию, передающую адекватно специфику и суть диалектики, решающий способ понимать противоположности в *их единой основе*.

В «Науке логики» учение о сущности и учение о понятии целиком развиты на основе данного отношения. Наличное бытие – это область внешнего отношения одного к другому, переход одного в другое. Одно качество изменяется, появляется другое качество. Почка исчезает, и возникает цветок, а цветок вытесняется плодом. Это – точка зрения чувственного сознания.

Сущность же есть отношение к самому себе, она самонаправленная, рефлексированная; в ней отношение к иному – момент отношения к самому себе. Оказывается, «почка – цветок – плод» суть текучие моменты *единого целого*, которое *сохраняет себя в смене* этих моментов. Сущность – «возвращение в себя», «простое соотношение с самой собой, чистое тождество»¹. Сущность «противопоставляет себя самой себе и лишь постольку есть бесконечное для-себя-бытие», «отгалкивание себя от самой себя»². Сущность опосредствует себя с собой своим отрицанием и сохраняет себя в таком отрицании³. Сущность – «соотношение со своим инобытием в самой себе»⁴. «Субстанция как отношение к самому себе»⁵ и т.п. Самоотнесенность и процессуальность сущности Маркс прекрасно

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики: В 3 т. М., 1971. Т.2. С.29.

² Там же. С.9.

³ Там же. С.16.

⁴ Там же. С.28.

⁵ Там же. С.202.

выразил в «Капитале» и в рукописях, где капитал предстает как соотносящаяся с собой определенность, как субъект, проходящий через все свои временные формы, как самовозрастающая стоимость (Д – Т – Д').

Решающим и у Фихте, и у Гегеля является третье звено: соположение у Фихте и бытие-для-себя у Гегеля. Это звено логически выражало самосознание, знающий себя дух, не теряющий себя в объективациях. Отношение целого к самому себе здесь представлено третьим звеном, которое выражает *высший* уровень формации духа.

Кант, Фихте и Гегель сделали подлинные открытия в философии. Фихте и Гегель продолжили «коперниканский переворот» в области истории духа. То, что они раскрыли логику саморазвития сознания, диалектику в области «абстрактно-духовной», это ничуть не умаляет их научной заслуги. Традиционные упреки в идеализме подобны иждивенческой установке – дайте все сразу, всех «жареных рябчиков науки». После Гегеля открылся простор для переноса самой логики отношения целого к самому себе на конкретный исторический материал.

Отношение целого к самому себе в работах Маркса. Маркс продолжил «коперниканский переворот», применяя триадичный ритм диалектики. Схемы Фихте и Гегеля не была отброшена, но творчески переосмыслены и применены. Во-первых, в решении проблемы *отчуждения*, во-вторых, в понимании социальной связи в ее *человеческой форме*, в-третьих, в обновлении понятийного аппарата, выражающего *самонаправленные* процессы бытия человека – самоопределение, самоосуществление, самоустремленность, самоизменение, самодеятельность и др.; в-четвертых, в акцентировании *субъектности* людей и *процессуальности* социальной реальности.

Как происходило такое переосмысление, документально свидетельствуют «Экономическо-философские рукописи 1844 года», они представляют собой манифест о новом миропонимании, креативно-антропологическое ядро, содержащее в свернутом виде все основные философские идеи К. Маркса. Маркс признает «величие» гегелевской «Феноменологии духа» и подвергает критике ее слабые

стороны. Эта критика целиком сохраняет свою актуальность. Величие же «Феноменологии» состоит, по Марксу, в том, что Гегель рассматривает «самопорождение человека как процесс, рассматривает опредмечивание как распредмечивание, как самоотчуждение и снятие этого самоотчуждения»; в том, он понимает действительного человека как «результат его *собственного труда*»¹.

Вот как Маркс наполняет отношение целого к самому себе реальным материалом. Я Фихте заменяется *действительным человеком*; полагание не-Я – *процессом труда, тотальностью человеческого проявления жизни*; не-Я – *реальной действительностью (промышленностью, государством, обществом)*; соположение – *человеческой общностью, возвращением человека к самому себе из плена отчуждения*.

Действительное, деятельное отношение человека к себе как к родовому существу, подчеркивает К. Маркс, возможно только тем путем, «что человек действительно извлекает из себя все свои родовые силы ... и относится к ним как к предметам», как к своим собственным произведениям. А это возможно, продолжает он, «сперва только в форме отчуждения»². Ибо нужда, потребность в предмете приковывает внимание к телесной стороне предмета, занавешивая опредмеченную социальность, во-вторых, предмет, как собственность другого субъекта, действительно предстает как чужой предмет; «предмет моего желания находится в недоступном мне обладании другого»³.

Когда же человек узнает в предмете опредмеченную социальность и относится к предмету по-человечески? Очевидно, тогда, когда предмет «относится» к человеку по-человечески, актуализирует креативные возможности и силы человека. А это происходит тогда, когда люди сознательно производят свою социальную связь как человеческую общность, намеренно производя друг для друга такие предметы. «Человек, – утверждает К. Маркс, – не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года... С.159.

² Там же.

³ Там же. С.137.

предмет становится для него *человеческим* предметом, или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете»¹. Поэтому «человек есть *самоустремленное (selbstisch)* существо»². Самоустремленность – атрибут человека.

Отношение к другому – это точка зрения сознания человека, захваченного вещественностью предмета. *Отношение к самому себе – позиция субъекта, как знающей себя социальности*, он не теряет себя в предмете потому, что сам предмет воспринимается в его «человекопроводности» – как опредмеченная социальность, как предметное бытие одного человека для другого.

Маркс раскрывает социальную связь не в овещенной, а в человеческой форме. Предположим, пишет он, что мы производили бы как люди. Каждый из нас двояким образом утверждал бы и самого себя и другого: «1) Я в моем *производстве* опредмечивал бы мою *индивидуальность*, ее *своеобразие*, и поэтому во время деятельности я наслаждался бы индивидуальным *проявлением жизни*, а в созерцании от произведенного предмета испытывал бы индивидуальную радость от сознания того, что моя личность выступает как *предметная, чувственно созерцаемая* и потому *находящаяся вне всяких сомнений* сила. 2) В твоём пользовании моим продуктом или в твоём потреблении его я бы *непосредственно* испытывал сознание того, что моим трудом удовлетворена *человеческая* потребность, следовательно, опредмечена *человеческая* сущность, и что поэтому создан предмет, соответствующий потребности другого человеческого существа. 3) Я был бы для тебя *посредником* между тобой и родом и сознавался бы и воспринимался бы тобою как дополнение твоей собственной сущности, как неотъемлемая часть тебя самого, – и тем самым я сознавал бы самого себя утверждаемым в твоём мышлении и в твоей любви. 4) В моем индивидуальном проявлении жизни я непосредственно создавал бы твоё жизненное

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года... С.121.

² Там же. С.160.

проявление, и, следовательно, в моей индивидуальной деятельности я непосредственно *утверждал бы и осуществлял бы* мою истинную сущность, мою *человеческую, мою общественную сущность*. Наше производство было бы в такой же мере и зеркалом, отражающим нашу сущность». «С твоей стороны имело бы место то же самое, что имеет место с моей стороны»¹.

При таком предположении производство выступает не как производство товаров, а как *антропогенный* процесс производства жизни и обновления творческих сил субъектов. Изменяется и качество *отношений* между ними: отношения сбрасывают отчужденные формы и предстают в прозрачном виде как *непосредственные общественные отношения*, в рамках которых через формы общения индивиды взаимно *дополняют, обогащают и обновляют свою субъективность*; каждый нуждается не только в вещественных свойствах продуктов, но, в первую очередь, в своеобразии иных личных дарований других индивидов. Способности других становятся дополнительными органами каждого индивида для усвоения жизни. Так создается естественная человеческая связь и *естественная человеческая общность*, укорененная не во внешние опоры (разделение труда, гражданство, социальные статусы и др.), а в *креативную природу каждого, как общественного существа*.

В естественной общности людей мерилami являются сами человеческие качества, это – *имманентные человеку меры*. К. Маркс, продолжает диалог с воображаемым собеседником, акцентируя естественность таких мер: «Предположи теперь человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т.д. Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком. Если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим и двигающим вперед других людей»².

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года... С.35-36.

² Там же. С.150-151.

Иное дело социальная связь в ее *вещной* форме. Деньги обмениваются на весь мир человеческий и природный. «Кто может купить храбрость, – писал К. Маркс, – тот храбр, хотя бы он и был трусом». Мощь денег связана не с индивидуальностью человека, а с общественной мощью. Деньги являются всеобщим средством обмена потому, что они символизируют собой *накопленный труд*. «Я плохой, нечестный, бессовестный, скудоумный человек, но деньги в почете, а значит в почете и их владелец». Деньги превращают «верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, а порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость». Деньги смешивают все и обменивают все вещи, они «всеобщий сводник людей и народов». Извращение и смешение, братание невозможностей – эта сила денег кроется в отчуждающей сущности человека. Деньги – «отчужденная *мощь человечества*»¹.

Таким образом, в изображении Маркса производство и общение представляют собой родовой (культурно-исторический) процесс самообновления индивидуальности каждого; содержанием процесса является *всеобщее* содержание (родовая, культурная субъективность), функционирующее в своеобразных *индивидуальных* преломлениях индивидов. Каждый выступает в производстве и общении как рефлектированное в себя родовое существо, как идеальная тотальность субъективных сил и человеческих отношений. Идеальный, представленный аспект бытия индивидов есть *существенное* измерение социальной связи: в идеальном представлены смысл, и цель производства и общения, потребность в человеческом содержании жизни, признание других как равноценных по сущности и различных по существованию, стремление осуществить себя достойным образом в сознании других и объективировать свои способности для других как личный дар.

Индивидуальная и родовая жизнь, отмечал К. Маркс, не является чем-то различным: «способ существования индивидуальной жизни бывает либо более *особенным*, либо более *всеобщим* проявлением родовой жизни, а родовая жизнь бывает либо более

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года... С.148-150.

особенной, либо более всеобщей индивидуальной жизнью. Как родовое сознание, человек утверждает свою реальную общественную жизнь и только повторяет в мышлении свое реальное бытие, как и наоборот, родовое бытие утверждает себя в родовом сознании и в своей всеобщности существует для себя как мыслящее существо». Идеально выраженная всеобщность сознания и реальная общественность человека есть, таким образом, одно и то же содержание, но в разных измерениях – идеальном и реально-бытийственном. Если человек есть «индивидуальное общественное существо, то он в такой же мере есть также и тотальность, идеальная тотальность, субъективное для-себя-бытие мыслимого и ощущаемого общества»¹.

Человеческая форма социальной связи, столь впечатляюще изложенная К. Марксом, всегда существовала в истории, в большей или меньшей степени, – в дружбе, товариществе, в добровольных сообществах единомышленников в области науки, искусства, религии, в духовной солидарности народа. Человеческая связь образует содержание культуры как ступени истории.

Итак, *отношение целого к самому себе* служило у Канта, Фихте и Гегеля логическим оформлением самосознания и самодеятельности в абстрактно-духовной области. У Маркса оно выражает социальную связь как человеческую общность, как снятие отчуждения и утверждение человеческих продуктивных сил. Эта логическая форма мышления – продукт развитой *социальности* и развитого *сознания* общественного человека.

Идею о самонаправленности сознания Маркс, конечно, не отрицал, он истолковал ее как «самоустремленность» человека. Человек же может быть устремлен на свою сущность потому, что она находится не в теле человека, а вне его – как объективированная система деятельности и общения. Маркс поэтому самым тщательным образом анализировал исторически определенные формы деятельности и общения. Продажа рабочей силы – корень всех видов отчуждения, ибо работник превращается в проводник чужой воли и осуществляет свое бытие как чуждое себе. Труд извращается в

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С.119

креативно-антропологическом отношении, мотивируется внешним образом, часто реализуется как «мука и самоутрата». Критикуя концепции, толкующие труд как «жертву», а нетруд – как «свободу и счастье», К. Маркс развивает положение о труде как о самоосуществлении в форме самодеятельности. В таком труде разрешается противоречие между опредмечиванием и самоосуществлением, цели теряют характер внешней необходимости и полагаются «как самоосуществление, предметное воплощение субъекта, стало быть, как действительная свобода, деятельным проявлением которой как раз и является труд»¹. Самоосуществление есть перевод сущности человека в действительность, импульсированный потребностью объективировать себя.

Почему предпочтителен субъектный принцип в преподавании? Во-первых, той *трезвостью* мысли, которая представлена в *критериальной* функции этого принципа: в суждениях о предельных основаниях бытия, о первоначале всего сущего (о трансцендентном) мышление выходит за рамки всякого опыта, покидает сферу компетенции науки и вступает в область гипотез и веры. Например, является ли первоначалом всего сущего эйдосы Платона или анонимный бог Плотина, или живой Бог-Личность Августина Аврелия, или анонимная абсолютная Идея Гегеля, или материя Энгельса, эти вопросы невозможно решить путем наблюдения или научного эксперимента. Ибо бесконечная и вечная субстанция как целое не дана в опыте конечным существам. И, тем не менее, возможен ли все-таки разумный критерий обоснованности того или иного первоначала? Научный критерий должен быть доступен *эмпирической проверке*. Какая же вера, какая гипотеза о первоначале достойна человека? Вероятно, *та, которая лучшим образом организует внутренний и внешний опыт людей, духовно возвышает личность и является человекотворческой, креативно-антропологической, открывающей истинные перспективы для человека, Отечества, человечества.*

У бессознательной материи не тот ранг качеств, чтобы из них можно было бы вывести ценности, достойные духа и культуры. Поэтому философы исторически начинали с материально-вещественного, а затем приходили к духовному: вещественные

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Т.46. Ч.2. С.110.

первоначала досократиков вытесняются эйдосами Платона и богом Плотина и т.д. Если дух, по выражению Энгельса, есть «высший цвет материи», то и надо исходить из этого «цвета» в основных вопросах мировоззрения. В мировоззрении и философии люди объективируют те принципы, которые выступают для них как должные и желаемые. Мировоззрение императивно и проективно. Кто знает истинную свободу, тот, подобно Шеллингу, и космос воспринимает художественно, как свободное развертывание имманентных космосу потенций и сил. А кто привык жить по правилам, навязанным извне, для того жесткий детерминизм, определение извне, является самоочевидным принципом миропонимания и организации жизни. Какова социальность, таково и мировоззрение. В действительности за методологией социального познания скрывается тот или иной тип социальности: продуктивно-творческий или репродуктивный, самодетельный или исполнительский, овещненно-технистский или креативно-антропологический и др. Субъектная философия критична к собственным принципам.

Во-вторых, субъектный принцип эвристичен в гносеологическом отношении. Люди *осознают реальность в тех формах, в каких они ее деятельно преобразуют*. Это положение Кант обосновал, исходя из деятельности «абстрактно-духовной», а Маркс, исходя из деятельности и материально-практической. Вот логика метода Маркса. В сознании люди удваивают свое реальное бытие идеально. Сознание есть осознание их бытия. А общественное бытие, замечает он, есть по существу практический процесс: самоизменение людей путем изменения обстоятельств. «Мое *всеобщее* сознание, – подчеркивал Маркс, – есть лишь *теоретическая* форма того, *живой* формой чего является *реальная* коллективность, общественная сущность»¹. Формы собственной активности людей превращаются в формы их мышления. В.С. Степин в своих работах скрупулезно доказывает этот факт на примере развития естествознания. В частности, он прослеживает, как предметные конструкции

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С.118.

превращаются в понятия; например, модели гидродинамики послужили основой для абстракций электродинамики¹.

Для понимания философии и реконструкции ее систем следует исходить из аналогий и *внутреннего* опыта. Например, знаменитое учение Платона об эйдосах обнажает тайну мышления. Эйдос есть род вещи, ее эталон, чистая форма, организующая части в целое. Учение Платона и сегодня увлекает мышление потому, что согласуется с опытом людей. Ведь эйдосы Платона есть точное описание человеческих понятий. Понятие содержат род вещи, представляет этот род в чистом виде потому, что в мышление форма вещи моделируется без материи; такая форма освобождена от деформации материи, от чувственного элемента, от всего единичного и предстает в *превосходном* виде. Понятие выполняет и целевую функцию по производству вещи. Более того, существует мир идей как особое образование в виде общего (общественного) сознания.

Предмет осознается со стороны всеобщих определений в той мере, в какой субъект практически выделяет его таковым. Объясняя отсутствие у Аристотеля категории стоимости, К. Маркс писал, что видеть в товаре только сгусток труда стало возможным «лишь в таком обществе, где товарная форма есть всеобщая форма продукта труда», а товарообмен – «господствующее общественное отношение»². Социально-технологический базис детерминирует категориальный состав мышления. Например, в деятельности многообразные вещества сводятся к практическому определению – материалу. Материал – не вещь, а ее функция в труде. Сведение вещей и людей к той или иной функции есть объективно-предметная, практическая абстракция. В актах труда субъект действует, предмет определяется действием, субъект формирует, предмет формируется, один полюс активен, другой пассивен. Это непосредственно воспринимаемое, наиболее осязаемое и достоверное отношение впечатляется в сознание процессом труда, обобщается в мыслящей голове и превращается в способ мышления – в логическую категорию, во

¹ Степин В.С. Становление научной теории: Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики. Минск: Изд-во БГУ, 1976.

² Маркс К. Капитал. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.69-70.

всеобщую форму миропонимания; например в виде материи и формы, причины и следствия у Аристотеля. Такие мыслительные формы возникают за «спиной» философского сознания в совместной практике, закрепляются в объективный способ функционирования вещей и людей и циркулируют в массовом сознании как принудительно навязанный практическим процессом способ мышления («объективно-мыслительные формы») задолго до того, как философ сознательно рационализирует эту форму мышления как логическую категорию, освободив ее от чувственного содержания. То, что эти категории возникают из схематизации форм деятельности и общения, это убедительно подтверждает «Метафизика» Аристотеля, где категории еще не отделены окончательно от своего материнского лона. Свое толкование категорий он обосновывает ссылками на труд и общение. Доказывая пассивность субстрата, он опирается на практику ремесленника. «Ведь не сам же субстрат вызывает собственную перемену», «не дерево делает ложе, и не медь – изваяние»¹. «Энтелехия» у Аристотеля есть ничто иное, как целенаправленная деятельность человека, отделенная от человека и закрепленная за вещью, своего рода скульптор, формирующий вещь изнутри. Способ производства статуи выступает у Аристотеля и способом «понимания всей вселенной»². Учение Аристотеля о материальной, действующей, формальной и целевой причинах есть абстракция от деятельности ремесленника. Последний совмещал такие функции, как материальное изготовление продукта, проектирование его формы, целеполагание (кувшин для продажи); продукт образуется из определенного *материала*, которому определенным *действием* придается *форма* для определенной *цели*. Поэтому и в теории указанные виды причин берутся в единстве. В рамках мануфактуры и фабрики происходит разделение труда, целеполагание отделяется от целеосуществления. Труд теряет характер искусства и сводится к механической деятельности, к жесткому следованию извне навязанных технологических операций. Редукция состава труда к причинам материальной и действующей (к

¹ Аристотель. Метафизика. // Соч. в 4 т. М., 1975. Т.1. С.72.

² Абдильдин Ж.М. Проблема начала в теоретическом познании. Алма-Ата, 1967. С.50.

мышечной энергии при обработке предмета труда) обуславливает и теоретическую редукцию всех видов причин к причинам материальной и действующей, которые Т. Гоббс объединил в полную причину, выражая ее жестким формализмом «если ... то»¹. Речь в данном случае идет не об отрицании объективных закономерностей, например природы, а о том, что эти закономерности люди осознают *в формах своей собственной активности*. Предметное содержание становится понятным тогда, когда оно подводится под те формы преобразования реальности, которыми люди *уже владеют, а, значит, и овладевают и тем содержанием, которое подводится под эти формы*. Содержательная логика есть наука о таких всеобщих формах понимания. Кант обосновал полную несостоятельность онтологии, как некритической объективации логических форм, возникающих из процесса изменения мира человеком.

Выше мы использовали аналоги-модели, взятые из внешнего опыта. Для глубинной реконструкции философии эффективны аналоги-модели внутреннего, более развитого духовного опыта. Например, в понимании первоначала античные философы восходят от вещественных элементов (вода, воздух, апейрон, огонь и др.) к чисто мыслительным (эйдосы Платона, перводвижитель Аристотеля, Единое у Плотина и др.). Такое восхождение есть движение от чувственного (предметного) сознания к самосознанию. Так, Парменид исходит уже из чистого, однородного бытия. Что же является оригиналом такого бытия? Во внешнем опыте оно не дано. Чистое бытие Парменида есть самосознание, освобожденное от чувственности и зафиксированное в своей однородности. Такая глубинная медитация на внутреннем опыте требовала от Парменида интеллектуальных сверхусилий и произвела революцию в самой «оптике» воззрения на реальность. Аналоги-модели, взятые из внутреннего опыта, служат в философии важнейшей экспериментальной базой для порождения принципиально новых способов мышления. Спиноза формулирует сущность субстанции как «causa sui», из которой он выводит все определения субстанции, ее атрибуты и модусы. Самодетерминация,

¹ Косарева Л.М. Предмет науки. М., 1977. С.62.

самопричинность стала основой последующего диалектического мышления, в том числе и современного естествознания. В естествознании, математике поставлена под вопрос «всеобщность классического предмета (и субъекта) – точки действия на другое». В современном мышлении утверждается идея радикально нового предмета, это – «идея предмета как «causa sui», «идея движения как самодействия, самодеятельности»¹. Но Спиноза не созерцал субстанцию в ее вечности и бесконечности в форме научного наблюдения. Он сконструировал ее модель. Аналогией для Спинозы явился процесс самоопределения субъекта в актах самосознания. Категории Гегеля «бытие-в-себе», «бытие-для-себя» тоже выражают во всеобщей (т.е. логической) форме опыт чувственного сознания и самосознания. Субъектный принцип критичен и в области теории познания, он преодолевает пассивную созерцательность объектно ориентированного материализма.

В-третьих, этот принцип продуктивен и критичен также в области философской диалектики и аксиологии. В объектной философии диалектика понимается как отражение «всеобщих законов бытия», а в субъектной философии – как логика саморазвития людей в их историческом процессе, в котором человек «не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а воспроизводит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»². Эта логика затем экстраполируется и на природу. Общество, где саморазвитие людей осуществляется как беспрестанное выхождение за пределы для этого саморазвития, и где единственной предпосылкой самого общества является выход за пределы «исходного пункта», такое общество, подчеркивал Маркс, порождает понимание человеком «его собственной истории как процесса», так как «сам процесс развития положен и осознан как

¹ Библер В.С. Мышление как творчество. Введение в логику мысленного диалога. М., 1975. С.191.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Т.46. Ч.1. С.478.

предпосылка индивида»¹. Такое процессуальное понимание и выражает философская диалектика во всеобщей, логической форме. Если более развитое есть ключ к пониманию менее развитого, то диалектика как логика исторического саморазвития людей есть основа для понимания развития на более низких уровнях эволюции природы. Если же переносить логику низших уровней на высшие, то результатом будет сведение высшего к низшему, неинформативное в научном отношении. Сторонники объектного материализма написали в 70-е – 80-е годы XX века многотомные «диалектики», мучая себя и читателей. Маркс же намеревался написать «Диалектику» на «двух – трех печатных листах». Причина бесплодия онтологистов-диалектиков заключалась в непонимании того обстоятельства, что человек смотрит на мир через оптику деятельного преобразования этого мира, антропоморфно. Например, в «Науке логики» Гегеля излагается категория силы. Сила – это логическая категория, т.е. *всеобщий* способ мышления любой реальности – субъективной и объективной. Мы говорим о силах гравитации, воли, политических и др. силах. Почему же сила есть всеобщая форма мышления? Дело в том, что сила присуща самому человеку и существует при этом не только объективно («в себе»), но и субъективно («для-себя»). И вот данная человеку сила (мышечная и др.) служит *всеобщим представителем* любых видов сил. Подобно тому, как один из *единичных* товаров (золото) начинает выступать *всеобщим представителем* стоимости *всех* товаров и выступает в функции денег. «Категории – деньги духа», отмечал К. Маркс. В силе человека содержится *родовая* природа всякой силы. Иначе бы «эта» сила не была бы «силой». Родовая природа силы заключается в *способности производить действие*. Этот смысл мы вкладываем в суждения, когда говорим о силе воли, гравитации и др. Человеку не обязательно изучать все виды сил, чтобы сформулировать понятие силы вообще. Сила стала фактором логическим потому, что она – фактор онтологический! Подводя под форму силы эмпирический материал, мы его начинаем понимать. Что сказал бы старик Гегель, восклицает Маркс, если бы узнал, что «общее» означает у германцев и у

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Т.46. Ч.2. С.35.

скандинавских народов общинную землю, а «частное» – выделяющуюся из этой земли частную собственность. «Выходит, – замечает К. Маркс в письме к Ф. Энгельсу, – что логические категории прямо вытекают из наших отношений»¹. Категориальные формы, отмечает Л.М. Косарева, будучи по генезису формами социальных отношений, наполняются природным содержанием настолько, что социальный генезис этих форм утопает в натуральном теле физического закона². И Л. Фейербах и Маркс отмечали, что отношение «всеобщее – особенное – единичное» является в «Науке логики» Гегеля «категориями всех категорий». В структурировании исследования и написания «Капитала» Маркс исходил именно из этого категориального отношения³. Все фигуры силлогизма есть лишь разные комбинации всеобщего (В), особенного (О) и единичного (Е). Определение понятия тоже строится через род и видовое отличие ($E = V + O$). Точно так же, как мы пишем свое имя, отчество и фамилию. Почему же эти категории суть базисные для логического мышления? Вероятно потому, что связь всеобщее, особенное и единичное с детства и на протяжении всей жизни человека является основополагающей: свое «Я» (Е) мы связываем с ближайшей общностью (О) и с более общей (В). На сущностную связь логики и социальности указывает такой факт: человек может лишиться руки или ноги, зрения или слуха, оставаясь при этом социально дееспособным. С разложением же «апперцепции» (Кант), с потерей способности логически синтезировать чувственные данные он лишается социальной дееспособности и пребывает на попечении других. Чем более развитой и полной является субъективность человека, тем у субъекта имеется более развитый фонд аналогов-моделей для понимания реальности.

Принцип производства – важный аспект субъектной методологии. В субъектной философии основой понимания реальности является не «отражение», а принцип производства

¹ Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу, 25 марта 1868 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.32. С.45.

² Косарева Л.М. Предмет науки. М., 1977. С.138.

³ Об этом см.: Гончаров С.З. Логика метода развития понятия // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2004. № 5 (29). С.131-139.

людьми идеальных, социальных и материальных форм, принцип делания – как духовного, так и внешнепредметного.

«Как естествознание, так и философия, – формулирует Ф. Энгельс новую методологию, – до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, с другой, – только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз изменение природы человеком, а не одна природа как таковая»¹. Те способы, какими мы изменяем реальность природную и социальную, становятся и способами (формами) нашего мышления. Принцип производства – такова суть той методологии, которая была всегда эффективной во всяком мышлении, а также в понимании самого мышления. Производство как родовой процесс связано с произволом, со свободой воли по преобразованию всякой реальности. Этот процесс для рода человеческого абсолютен. Более того, он конструктивен, операционально выполним, транссубъективен, т.е. не привязан к индивидуальным особенностям и может передаваться от поколения к поколению в культурном наследовании.

Субъект в своем мышлении действительно исходит из установки «производства», осознает он это или нет². Мы можем построить дом, дерево построить пока не можем. Но можно рассуждать, как это делал К. Маркс, о законах «самопроизводства» дерева, т.е. проецировать сам принцип «производства» на реальность. Подводя под схему производства эмпирические данные, мы тем самым начинаем их понимать, а, значит, и властвовать над ними, сначала идеально, а затем и реально. Каждая несотворенная вещь, отмечает В.С. Библер, – «воспроизводится в понятии как сотворенная»³.

Взгляд на мироздание как на созданное богами, демиургом или монотеистическим божеством *очень древний*. В нем содержится аналогия творения людьми предметной среды и взаимных

¹ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. М., 1961. С.545.

² Об этом см.: Гончаров С.З. Логика мышления и аксиология сердца. Екатеринбург, 2006.

³ Арсениев А.С., Библер В.С., Кедров Б.М. Анализ развивающегося понятия. М., 1967. С.67.

отношений. Почему взята именно эта аналогия? Вероятно, потому, что принцип производства, порождения, сотворения *абсолютен* в человеческой жизни. Перенесение его на реальность, не сотворенную человеком, позволяет экстраполировать и конкретные схемы, связанные с процессом порождения, сотворения и тем самым в первом приближении понять реальность путем внесения в нее «единства необходимого» (И. Кант) и поставить вопросы не только «что», «как», «почему», но и «зачем»; т.е. задуматься о смысле в мироздании. Когда экологи рассуждают о «саморегуляции» биоценозов, то они переносят схему саморегуляции из социального опыта в природу. Так же обстоит дело и в синергетике относительно «самоорганизации» диссипативных структур. Чем более развиты *технологии производства*, тем более *различающим* становится и мышление, перенося *схемы технологий* на осознаваемый предмет. «Познать предмет, – пишет Ю.М. Бородай, – значит вскрыть реальный механизм его образования; значит узнать *как, почему и из чего* он “делается”, т.е. раскрыть реальный путь и способ его естественного “производства”, а в идеале – и искусственного “воспроизводства” в условиях эксперимента»¹. Принципы «производства» переносятся на природу и на Бога. Ведь и Господь тоже занимался «производством», он *сотворил* мироздание. Только природа «производит», как принято полагать, бессознательно, а мы производим сознательно. Наше мышление «социоморфно». Схемы реального производства вещей и социальных отношений суть схемы мышления.

Кант абстрагировался от конкретного содержания «трансцендентальных схем», от их *социокультурной и технологической* определенности. «Трансцендентальная схема» Канта гениальна тем, что она представляет в сознании *производство реального предмета в актах труда. Синтез руки*, реальное конструирование предмета, соединение частей в целое был, конечно, *первичным* в антропогенезе. Такой синтез (соединение частей в реальном пространстве) длился в *эмпирическом времени*,

¹ Бородай Ю.М. Эротика. Смерть. Табу: Трагедия человеческого сознания. М., 1996. С.14.

наполненном ощущением, осуществлялся в визуальном поле, во внешнем плане. Такое соединение в целое, *последовательность внешних действий* в итоге произвольно сводились психикой индивида к *последовательности действий во внутреннем чувстве*. Происходила произвольная «интериоризация» внешних действий во внутренние действия на основе *временной последовательности*, которая присуща и *внешним действиям, и внутренним*. Кант поэтому исходил в систематизации форм мышления из единого основания – из времени, из *временной последовательности действий!* То, что рука связывает в пространстве, то связывается воображением как *схема последовательности действий во времени*. «Внутреннее чувство» есть, по Канту, *восприимчивость* не внешних воздействий, но *свободной самодеятельности «Я»*. Прошли тысячелетия, прежде чем индивиды научились делать предметом внимания *последовательность внутренних действий* – производить в чистом времени идеальные предметы без материи и ощущений. Производность воображения от предметно-чувственной деятельности от труда и развитие понимания воображения Фихте и Шеллингом ясно и точно раскрыты в ряде работ.¹

Почему продуктивное воображение ищет в предметах «необходимое единство» (И. Кант)? Очевидно, потому, что на таком единстве (устойчивых связях) мы основываем всю свою жизнь в ее главных измерениях, гарантируем себе безопасность, планируем и прогнозируем события. За априорным синтезом продуктивного воображения скрывается процесс труда, деятельное воспроизводство людьми собственной жизни на *всеобщих и необходимых* параметрах. Кант – предтеча философии К. Маркса, его принципа самодеятельности, труда, как акта свободного «самоосуществления человека», «свободной игры» его физических и духовных сил. Человек, делает вывод Ю.М. Бородай, исследуя учение Канта о продуктивном воображении, «осознает себя как *целеполагающую*, т.е.

¹ См.: *Мареев С.Н.* О деятельностной природе воображения в немецкой философской классике // Вопросы философии. 2005. №7; Принципы материалистической диалектики как теории познания / Отв. ред. В.А. Лекторский. М., 1984. С.3-58.

свободное существо, а весь мир – как *целесообразно устроенный мир*¹.

Принцип производства является, на наш взгляд, решающим как для понимания *самого мышления*, так и в решении проблемы *систематического* раскрытия философской диалектики. Ведь в мышлении (теории и т.п.) мы производим идеальный предмет. С идеальными предметами субъект действует в познании «аналогично тому, как он действует практически с предметами материальной действительности»². Понять предмет, значит мысленно построить, произвести его активностью нашего «Я».

У Канта стиль мышления характерен духовным *производством* того предмета, который он мыслит. Его мышление продуктивно-производительно: он ставит себе вопросы «что я могу знать?», «что я должен делать?», «на что я могу надеяться?» и др., ответы на которые предполагают деятельный подход и взгляд в будущее. Возможно, Кант потому обратил внимание на деятельность, что он родился в семье ремесленника и сохранил уважение к труженикам.

Но человек целостен в своих духовных силах: его мышление ориентировано на объективную истину, воля – на сотворение добра, созерцание – на красоту, а вера – на совершенное, объективно лучшее содержание, которое гармонично соединяет в себе истину, добро и красоту. Диалектика, которая «ни перед чем не останавливается» и для которой нет ничего «святого», есть бессовестная диалектика людей, глухих к добру, красоте и совершенству. Обновленная философская диалектика сохранит импульс саморазвития, но не как безостановочное движение от возникновения чего-либо к его уничтожению, но как саморазвитие в единстве истины, добра и красоты, как восхождение к совершенным содержаниям. Субъектный принцип содержит в себе мощный потенциал для дальнейшего творческого развития.

Проблемой является соединение диалектики с аксиологией, с совершенным и абсолютным. Диалектика без совершенства будет

¹ *Бородай Ю.М.* Цит. соч. С.268.

² *Степин В.С., Томильчик Л.М.* Практическая природа познания и методологические проблемы современной физики. Минск, 1970. С.27.

ценностно слепой и уподобится логическому автомату, переламаывающему все и вся. Теология без диалектики станет косной (как онтология объектных материалистов). Диалектическая теология есть по форме субъектная теология, и она уже не будет растворять человека в Боге, провоцируя на очередной «протест» очередного Лютера. Откровение Христа может быть углубленно осмыслено субъектной теологией. Ибо Спаситель взывал к «духу», а не к «букве», к «человеку», а не к «субботе» и пояснял, что царство Божие «в душе вашей есть».

В антропологии русской философии (И.В. Киреевский, Ф.М. Достоевский, И.А. Ильин, Н.О. Лосский и др.) абсолютность Бога не является чем-то потусторонним человеку: дух человека понимается как образ и подобие совершенства Божия, природа духа причастна Совершенству генетически и субстанциально; смысл бытия человека толкуется как актуализация божественного в душе и как обоживание души и внешней реальности путем восхождения к совершенству, к самоосвобождению от слепой бессознательной стихии. Такой путь есть субъектная, ценностно выверенная *диалектика восхождения*. На этом пути антропология не растворяется в теологии (как в средневековом католицизме), а теология не поглощается антропологией (как у протестантов). Как объектные материалисты убили диалектику «буквой» и фетишизмом материи, так и у фарисеев религия Бога окаменела в обряде.

Вероятно, перед теоретической философией XXI века стоит задача в разработке новой «Критики чистого разума». Плодотворный путь решения этой задачи, заключающийся, на наш взгляд, в конкретном раскрытии созидательного потенциала субъектной философии, в дополнении позиций Маркса изложением той великой роли, которая присуща духу в космическом, креативно-антропологическом, креативно-социальном и др. процессах. В преподавании субъектная философия является креативно-антропологической, лично развивающей; она транслирует новым поколениям наиболее развитые формы освоения мира человеком и воспитывает субъектные качества, столь важные как в профессиональной, так и в гражданской, а также индивидуально-личностной областях жизнедеятельности человека.

Плодотворным представляется субъектный принцип в преподавании этики, эстетики и культурологии, тем более политологии и экономики. Поясним нашу мысль относительно *эстетического* освоения реальности.

Ошибался ли Дж. Беркли? Чтобы понять существо эстетического освоения реальности, следует исходить из развитой философской методологии. К ней и обратимся. К. Маркс ставил себе в заслугу открытие *относительной и эквивалентной форм* выражения меновой стоимости потому, что на частном материале он выявил *важное диалектическое соотношение*.

В уравнении «20 арш. холст = 1 сюртук» «только стоимость холста находит себе выражение», сюртук «служит лишь формой существования стоимости»¹. Причем, сюртук выражает стоимость холста *вне холста*, в виде своей *потребительной стоимости*. Стоимость холста находится в *относительной* форме, а стоимость сюртука – в *эквивалентной* форме стоимости. Ибо стоимость холста выражена *относительно* стоимости сюртука, а стоимость сюртука *эквивалентна* стоимости холста. Относительная и эквивалентная формы выражения стоимости – это «соотносительные, взаимно обуславливающие, нераздельные моменты», «полюсы одного и того же выражения стоимости»; «они всегда распределяются между различными товарами»².

Если в уравнении холст и сюртук поменяются местами, то они поменяют и формы выражения стоимости: в уравнении «1 сюртук = 20 арш. холста» только сюртук выражает свою стоимость. Два этих отношения так же различны, как отношение «20 аршин сюртука = 2 унции золота» и «2 унции золота = 20 аршин сюртука». В первом отношении деньги выражают *стоимость* товара, во втором – товар выражает *покупательную способность* денег. Открытие относительной и эквивалентной форм выражения стоимости имеет *методологическое* значение и для процесса чувственного восприятия.

Такое же различие существует между отношениями «*предмет = субъективность*» и «*субъективность = предмет*». В первом случае

¹ Маркс К. Капитал. Т.1. М., 1973. С.59.

² Там же. С.57-58.

субъективность человека представляет собой *качества и закономерности предмета*. Здесь субъективное служит *средством* выражения объективного Это – *гносеологическое* (познавательное) отношение, существующее в области науки. Во втором случае (*субъективность = предмет*) предмет *представляет своим натуральным видом содержание субъективности*. Это – *эстетическое отношение*, которое окультуривают художники и дизайнеры. В первом случае субъективность человека служит способом выражения *объективных свойств предмета*, во втором случае, наоборот, предмет служит способом выражения *состояний человеческой субъективности*. Эстетическая деятельность, включая все искусство и дизайн, этим отличается от научно-теоретического освоения реальности.

В прошлых дискуссиях о специфике эстетического между «природниками» и «общественниками» как раз смешивались этих два различных отношения. В силу чего на эстетическое освоение реальности целиком распространяют особенности гносеологического отношения, смазывая специфику эстетического. Между тем в науке субъект исходит из объективных оснований, а в эстетическом освоении – из субъективного основания.

Английский философ Дж. Беркли, изучавший оптику и процессы зрительного восприятия, первым отметил особенность второго отношения (*субъективность = предмет*) в том смысле, что предмет есть «комплекс наших ощущений». Беркли подвергли осмеянию за субъективный идеализм. И.Г. Фихте, исследовавший *сознание*, тоже настаивал на втором отношении, выразив его схемой «Я = не-Я», где не-Я представляет собой содержание сознания субъекта в виде внешней реальности. Фихте тоже встретил насмешки в адрес своих размышлений.

Чувственность в своем *актуальном состоянии* всегда дана субъекту в виде *предмета*, многообразия его качеств. В наличном бытии предмет дан субъекту всегда *чувственно*. Если чувственность выражает многообразие качеств предметов, то предметы, как в зеркале, раскрывают субъекту многообразие его собственной чувственности (небо голубое, ромашка белая, вишня сладкая и др.). Я

не могу присвоить богатство своей собственной чувственности, не замыкая ее на предмет. Чувственные качества вещей, данные в живом восприятии, являют субъекту внешний предмет, но обязательно в *модальностях психики*: небо *синее*, ромашка *белая* и т.п. Внешняя реальность своими чувственными качествами бросает «влюбленные взоры» субъекту – отражает богатство *человеческой чувственности*. Ведь предмет становится чувственным потому, что он выразил себя в материале чувственности, попал в сенсорное поле восприятия, за пределами которого он так же не обладает чувственными качествами, как железная гиря не обладает весом вне пределов поля гравитации, а «20 арш. холста» не обладают ценой вне отношения к деньгам.

Если предмет являет человеку качества его чувственности, то чувственность являет собой качества предмета, здесь мы имеем сугубо рефлексивные соотношения. «Такие соотносительные определения, – замечает К. Маркс, – представляют собой вообще нечто весьма своеобразное. Например, этот человек король лишь потому, что другие люди относятся к нему как поданные. Между тем они думают, наоборот, что они – поданные, потому, что он король»¹.

В отношении «предмет = чувственность» предмет выражает свои качества в чувственности, которая служит *вестником о предмете*. В обратном отношении «чувственность = предмет», наоборот, предмет выражает своими натуральными характеристиками *качества нашей чувственности*, являет нам «комплекс наших ощущений». Это хорошо понимают дизайнеры, модифицируя нашу чувственность путем формирования предметной среды и эстетики природного ландшафта в визуальном поле нашего восприятия. Дизайнер работает с человеческой чувственностью через предмет. Ведь *качества нашей чувственности, взятые в онтологическом отношении, обладают не меньшим статусом реальности, чем качества чувственно воспринимаемой реальности*.

Что же затрудняет понять второе отношение «чувственность = предмет? Именно сведение наших восприятий только к *гносеологическому* аспекту, к *отражению*, боязнь впасть в «идеализм» после работы В.И. Ленина «Материализм и

эмпириокритицизм», в которой разрешено только одно – познавательное отношение в виде *отражения*.

Понимание второго отношения (чувственность = предмет) позволяет прояснить проблему предметной области дизайна. Понятие дизайна ныне стало «резиновым», крайне расширительным. Об этом свидетельствуют выражения – «промышленный дизайн», дизайн «интерьера», «одежды», «прически» и т.д. и т.п. Область дизайна стремительно расширяется, и создается впечатление о невозможности и об «инфляции» определения его предметной области. Такое впечатление обманчиво. Ибо с расширением области дизайна проступает его *качественная определенность*. Поясним это. Если человек есть только хлеб, то он говорит «пища есть хлеб». Он сводит родовое определение пищи к ее частному случаю потому, что он ничего другого из пищи не пробовал. А если он разнообразит свое меню, то скажет иначе – не «пища есть хлеб», а «хлеб есть один из видов пищи». Точно так же, если Петр общается только с Павлом, то Павел во всей его Павловской телесности выступает для Петра представителем рода «человек». С расширением круга общения Петра (Петр – Павел – Фома и т.д.) особенности многих индивидов отступают на задний план как некий фон, и родовая определенность человека осознается Петром с большей определенностью. Приведем еще один пример. В первых экономических учениях стоимость товара грубо смешивается с веществом природы; затем стоимость перемещается из внешнего предмета в один из видов труда (земледелие); наконец, стоимость полностью освобождается от особых видов труда и сводится А. Смитом к труду вообще. Д. Рикардо за регулятор стоимости решительно берет только «акт созидания», труд, а не продукт. Стоимость товара, по Марксу, есть «сгусток», «отвердение», «кристаллизация» однородного труда. С расширением товарной формы на все новые предметные области (даже на самого человека) возникает возможность верного определения стоимости товара.

То же самое происходит в понимании сущности мышления, а также дизайна. Ведь на новые области переносится не что-то новое, а *одно и то же – существенное, инвариантное определение дизайна*. И обыденное сознание это схватывает, фиксируя «дизайн одежды», «дизайн интерьера». Что же это за «одно и то же»? Чтобы верно

¹ Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23., М., 1962. С. 67.

ответить, следует оторваться *от внешних форм выражения дизайна* так же, как это было проделано в истории экономики, логики и других наук.

Дизайн есть разновидности *эстетической* деятельности, сущность которой, как мы выяснили, состоит в оформлении и развитии чувственного освоения субъективного мира человека.

Современный дизайн можно определить как *эстетическую креативную проектную деятельность, целью которой является целостная модификация человеческой субъективности путем преобразования чувственной предметности, символически-знаковых форм в области предметной среды и социокультурных коммуникаций.*

Дизайн, как и искусство, является, в конечном итоге, *формой общения*. В общении мы передаем содержание нашей *субъективности* друг другу. Содержанием дизайна является, конечно, не предметная среда и т.п., а *человеческая субъективность*, которая всегда транслируется через предметные посредники. Изменяя чувственный предмет, дизайнер тем самым модифицирует наши восприятия, субъективные состояния; т.е. он работает с нашей субъективностью через формирование предмета. Кто воспринимает куб, у того созерцание модифицируется «кубообразно».

При ином понимании (предмет дизайна – предметная среда и т.п.) возникает *фетишизм* вещей, символов, знаков такой же, как и *товарный фетишизм*, когда отношения между товаровладельцами индивиды приписывают отношениям между товарами! На деле же, соотношения цен товаров выражают собой соотношения трудовых затрат, и стоимость не содержит ни грамма вещества. Красива, удобна не вещь сама по себе, а переживаемые нами состояния от вещей, процессов и т.д. Задача дизайна – оформлять чувственную предметность так, чтобы субъективность человека была культурумной, чтобы человек присваивал свою чувственность по законам красоты.

Свободное самоопределение, исходное определение субъектности, составляет глубинную сущность эстетического освоения реальности. Если предмет воспринимается как

сформировавшийся свободно, согласно своей мере, то он представляется *прекрасным*. Мысль о том, что человек производит по меркам любого вида, а значит, «и по законам красоты»¹, цитируется весьма часто, при этом не раскрывается связь между *мерой и красотой*. Связующим здесь является *свобода, свободное самоопределение!* Ведь формироваться согласно своей мере – значит определяться не извне, а изнутри, т.е. *самоопределяться*. Но не все прекрасно, что сформировано согласно своей мере. *Предмет воспринимается прекрасным только тогда, когда он пробуждает в нас состояние свободы, свободной игры наших духовных сил, провоцирует на такое субъективное состояние. Прекрасное есть чувственное изображение нашей свободы, ее сублимация и метафора.* Чувство красоты, отмечал Э.В. Ильенков, сопровождает «свободу воображения», когда, воображение рождает идеальную форму предмета, согласно его чистой мере². Происходит *совпадение свободного самоопределения предмета и субъекта*. Наслаждение прекрасным возвышает потому, что оно состоит в *переживании свободы нашей души*; при этом свобода выражена в *образном виде, как нечто внешнее*, будь то музыкальная композиция, стих или балет. В форме красоты «переживается совпадение формы вещи с формой развитого восприятия, своеобразное чувство удовлетворения от подобного совпадения»³. Формой же «развитого восприятия» и является свободное самоопределение субъекта, который *и в реальности схватывает подобный феномен. Свободное самоопределение развивается в актах самостоятельности, освобождается от эмпирического содержания, превращается в устойчивую схему воображения и восприятия и становится индикатором красоты, прекрасного – эстетическим вкусом.*

И, наоборот, предмет воспринимается безобразным, если он воспринимается не как определенный согласно своей природе и мере, а как принявший чуждую себе форму, навязанную извне, вопреки

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С.94.

² Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. М., 1968. С.250-251.

³ Там же. С.255.

своей мере. Такая деформация предмета извне передается субъекту восприятия и сковывает свободную игру наших духовных сил.

Бескорыстное свободное самоопределение есть *общая основа* нравственности и искусства, добра и красоты. Так как самоопределение наиболее доступно дано каждому в нравственности («автономии человеческого духа»), то, возможно, эстетическое наиболее интенсивно раскрыто в *борении человеческого духа, в нравственности*. Возвышенное наиболее впечатляюще выражено *величием* характеров и дел *героев*. Безмерность природы, будь то звездное небо или океан, поражают воображение лишь на короткое время, тогда как великие деяния героев волнуют сердца и умы на протяжении столетий. Без развитой духовной свободы и свободного самоопределения невозможны ни нравственность, ни высокое искусство, ни творчество прекрасных форм, ни молитвенный полет души.

Субъектная позиция есть иммунитет от отчужденного мировосприятия и миропонимания, когда индивид приписывает человеческие качества и стремления неким внешним факторам, вещным состояниям.

Овещнение есть «превращение личных сил (отношений) ... в силы вещные»¹, перенесение людьми собственной субъектности с самих себя на вещи². В результате возникает *превратный, извращенный мир*: отношение «междусубъектные» превращаются в отношения «междубъектные»³, продукты совместной деятельности обретают *самостоятельное* бытие, присущее им, якобы, от их естественных природных свойств. Общественные отношения между людьми предстают для самих людей как чисто телесная связь между вещами, существующая вне и помимо воли индивидов⁴.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М., 1966. С.92-93.

² Батищев Г.С. Проблема овещнения и ее гносеологическое значение (в свете Марксовой концепции овещнения) // Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983. С.263.

³ Там же.

⁴ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Т.46. Ч.2. М., 1969. С.449; Т.46. Ч. 1. М., 1968. С.185.

Происходит персонификация вещей и овещнение лиц. Общественное богатство предстает не как человеческие способности, воплощенные в мир произведений, а как деньги, капитал, существующие вне *«субъектного развития»* людей. Мир товаров, социальных институтов и норм предстает как самостоятельная объединенная сила, диктующая сценарий жизни каждому. Индивиды превращаются в представителей такого мира, а не мир, представляющий самих людей друг другу через предметные посредники. срastaются с ролями-масками. В превратном мире возникает искаженное сознание – *вещный фетишизм*, т.е. надделение вещей человеческими качествами и характеристиками, будь то «товарный фетишизм», фетишизм демократии, рынка, должности, знаков систем.

Возникает сциентизм и вещная логика науки, описывающая человека, его многомерный личностный мир техницистским, анонимным языком с ценностно-нейтральной лексикой, годной для описания лишь бессубъектных вещей. Создается анонимное общество Факторов и Инстанций, целая техногенная цивилизация, в которой человеческое самосозидание вытесняется на задворки расширенным воспроизводством товаров, власти, технологий. Производство *средств* жизни превращается в самоцель, низводя людей до средств вещного производства.

Этап отчуждения и овещнения был, конечно, *необходим*. Люди сначала объективируют свои общественные силы, фиксируют их предметно, формализуют их как нечто *внешнее* и тем самым создают условия для их усвоения и для своего *собственного возвращения к своей подлинной социальной природе*, к непосредственно-общественным отношениям по поводу *взаимного развития универсальной человеческой природы* (обмена, взаимного дополнения и обогащения ею.

В целом, субъектный принцип позволяет избежать *отчуждения* в понимании социальной и природной реальности, блокировать то направление сознания, которое поглощено вещественной стороной реальности, не выделяет себя из предметно-чувственного состава восприятий и воспринимает реальность *отчужденно* – за

отношением между товарами, разного рода «факторами» не схватывает отношений между людьми. В обществе все, что имеет прочную форму – продукт, разделение труда, предметные воплощения процесса производства и т.д. – является лишь мимолетным моментом общественного производства, «а в качестве его субъектов всегда выступают только индивиды», взятые в их взаимоотношениях. Здесь перед нами – их «собственный процесс движения, в котором они обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства»¹.

В заключение следует отметить любопытный факт: субъектный принцип начинает доминировать в философии, как правило, тогда, когда *прежние формы общества уходят со сцены общественной жизни и вытесняются новыми*. Так было в период жизни Сократа. А. Смит пролагал своей теорией дорогу новому способу производства. Классики немецкой философии теоретически возводили во всеобщие формы практические процессы французской революции. Маркс обосновывал идеологию грядущего общества. Объектный же принцип преобладал во времена, когда *общественные формы устоялись, и онтологические конструкции теоретически подтирали ставшие устои самоудовлетворенного и самодовольного общества*.

Современная Россия находится в процессе становления, выбирает свой исторический путь. И в этот период самоопределения субъектная философия является, на наш взгляд, актуальной, принципом ближайшего будущего. Эта позиция позволяет воспитывать специалистов нового поколения, которые устремлены на созидание самой социальности, форм общения, просторных для самодетельности и которые уже не соблазнятся менять свое человеческое достоинство и свою профессиональную честь на «чечевичную похлебку», что сделало партийно-административная номенклатура в период «перестройки» и «реформ» 90-х годов XX века.

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов... С.222.